

На русских фронтах. Уралов, Чадаев, Аршинова

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска - российский политический деятель, депутат Государственной Думы, председатель Совета АНО «Евразия» [Алёна Аршинова](#)

[Youtube](#)

[Rutube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио VK](#)

[Аудио ЧП-99 на podster.fm](#)

Дата выпуска: 27 августа 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, рад всех приветствовать. С вами подкаст «[Чистота понимания](#)». Напомню, что это площадка, где мы глубоко и подробно обсуждаем самые острые и самые актуальные темы с самыми интересными экспертами нашей страны, и вообще всего мира.

Это площадка для умных образованных людей. Я не устаю об этом напоминать. Кто еще не смотрел, обязательно пересмотрите наши предыдущие выпуски. Отдельное спасибо всем, кто пишет комментарии, ставит лайки. Ждем от вас лайки этому выпуску.

Меня зовут Иван Князев. Позвольте представить наших постоянных ведущих. [Алексей Чадаев](#).

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Политолог, журналист. [Семен Уралов](#).

Семен Уралов. На посту.

ИК. Политолог, журналист, писатель.

А в гостях у нас сегодня — отдельно рад приветствовать — Алена Аршинова. Алена, здравствуйте.

Алена Аршинова. Здравствуйтесь.

ИК. Российский политический деятель, председатель Совета АНО «Евразия». Вроде бы не соврал. Обсудить сегодня хотелось бы вот какие темы. Начать, наверное, правильно будет с

Приднестровья, потому что Алена Игоревна, насколько я знаю, достаточно долгое время там провела, и вообще тема близка ей — ситуация, которая там сейчас складывается, история, ситуация нынешняя достаточно сложная.

Молдавия пытается экономически, политически, как только угодно задушить этот прекрасный регион. К чему это все приведет? Насколько ситуация взрывоопасная сейчас там — можно здесь поразбираться, покопать. А потом отдельно выйти на тему наших евразийских проектов. Какие есть? Какие стратегические цели преследуют?

И, братцы, я тоже попрошу вас свои контуры беседы тоже обозначить.

СУ. Так как получается — у нас же правила есть, я выступил инициатором приглашения...

ИК. За это тебе отдельное спасибо.

СУ. Большое спасибо, что нашлось время.

Действительно, тема Приднестровья для меня — это тема архиважная. Мы многократно это в студии поднимали здесь, что это мало того, что последний осколок нашей советской родины, который не выходил из большой страны, и что в Приднестровье — я когда жил и работал в Одессе, в Тирасполе проводил чуть ли не каждые выходные — сохранена и достроена модель не просто межнационального лада, нет никаких национализмов, наоборот, там взаимная поддержка. При этом это единственный регион, где есть три государственных языка: молдавский, русский и украинский. И там абсолютно отсутствуют какие бы то ни было межнациональные проблемы.

АЧ. Алена, все в школе учила?

АА. Нет. Русский для всех обязательный, а второй обязательный для всех, но можно выбрать молдавский или украинский. У меня был молдавский.

СУ. Это важнейший демократический подход, что родители выбирают язык. Мы, кстати, когда в Одессе пытались решить на региональном уровне языковую проблему, задействовали эту модель Приднестровья, родители выбирали язык обучения на уровне классов. Не на уровне школы, чтобы это не превращалось в политические [приемы]... А на уровне классов решили, все выбрали язык обучения, и вопрос решился сам по себе. И это как раз модель приднестровская.

А второй фокус — сейчас мы трудимся в рамках АНО «Евразия». У меня задачи экспертного взаимодействия и моделирования. Я считаю, что это важнейший опыт нашей деятельности России на постсоветском пространстве, который требует с одной стороны рефлексии, а с другой стороны — вовлечения наших союзников и соседей. Не просто Россия какую-то деятельность проводит, а именно интеграция. Это наше будущее, потому что мы видим, что какие-то республики от нас отчаливают, все дальше и дальше. Какие-то наоборот причаливают, говоря морскими метафорами. И тут есть чем поделиться, каким опытом, проектов много, это хотелось бы подробно разобрать.

Но начать все-таки, ты прав, надо с Приднестровья. Но Алексей, я знаю, знаком с Аленой намного раньше.

АЧ. Да. Я сохранил для себя интересные воспоминания о том периоде, когда еще были надежды что-то сделать на Украине.

Действительно, эта связка Одесса-Тирасполь тогда работала. В том смысле, что Одесса тогда воспринималась тылом. Не точкой противостояния, а тылом. Скорее Кишинев воспринимался как что-то враждебное. Или опасное во всяком случае, как угроза. А Одесса казалась тылом. Это более свое. Там все рядом. И основной аэропорт, основная вся логистика тогда была — туда.

Поэтому мне даже страшно себе представить, как оно там сейчас. Когда это очень узенькая полоска земли, в некоторых местах 9 километров, в нынешние дроновые времена — вообще ни о чем, зажата между Молдавией имени Санду и Украиной имени Зеленского.

ИК. Примерно понятен контур. Алена, вы социолог по образованию. Тогда, отталкиваясь от того, что сказал Алексей, как сейчас там люди живут, о чем думают, как в будущее смотрят?

АА. Я скажу, что я смотрю на свое Приднестровье как на свою родину. Это моя малая родина. Я участвовала там в голосовании с 18 лет на всех выборах, а с 19 лет, по сути, в организации всех выборов. Когда я говорю «всех выборов», это не только приднестровские, но и российские, и украинские, и молдавские, и так далее. И люди там сейчас чувствуют себя нехорошо, без газа, без электричества, без работающих предприятий. Без денег на чрезвычайную ситуацию, потому что нет налогов, нет российских газовых денег. Кто здесь не понимает, я объясню, что это будет значить.

Республика стоит на грани на текущий момент. Зеленский выкрутил руки и закрыл газ, а Санду делает все остальное. Поэтому проблемы достаточно большие. И вообще тема Приднестровья — это очень большая тема, потому что от момента создания республики — понятны же причины, они очевидны. И понятны действующие лица там, как и на Украине тоже понятны действующие лица.

Семен задал такой теплый тон о Приднестровье, что мне очень приятно, потому что Приднестровье — это пример народной демократии, как бы это «масляно» ни звучало, но мы понимаем, что демократию можно называть суверенной, мы понимаем, что демократию можно называть социальной, как угодно. Народная демократия — это про Приднестровье, когда действительно люди управляют, когда люди берут власть в свои руки. Когда фактически реализуются классические тезисы Карла Маркса и Фридриха Энгельса из «Капитала», что политика — это концентрированное выражение экономики.

Приднестровье, что бы кому ни показалось и не закралось, что это люди, которые тихонько страдают и время от времени выглядывают, и говорят: «Россия, помоги! Европа, что же ты делаешь?» Нет, это сильные люди, которые создали свою республику, причем дважды, как минимум, если вспоминать XX век. Это люди, которые смогли сделать — понятно, мы сейчас подробно не обсуждаем, как это все произошло, но 50% промышленного экономического потенциала всей де-юре Республики Молдова, притом, что территория и население — 12-15% от всей Республики Молдова.

На текущий момент это тоже является в какой-то степени лакомым куском для Зеленского с трамплином в виде Санду. Это интеллигенция, это инженеры, это военные, это строители, это все национальности, которые только можно себе представить. Отсутствие титульной нации, базовой, основной. Никто ни у кого никогда не спрашивает, какая национальность, только можно себе предположить, куда он едет домой. Скорее всего, это компактное поселение болгар, Парканы, например. Это самое крупное поселение болгар за пределами Болгарии.

Как был выбор, так он и остался подтвержденным, что только Россия, только союз с Россией, в любом виде, что бы это ни было, Российская империя ли, Советский Союз ли, сильная Россия

или Россия со слабостями, как угодно, это Россия. Это выбор, даже более глубокий выбор, чем у тех, кто живет, скажем, «на континенте». Это ДНК, это коды. Приднестровцы — это коды вообще, мне кажется, россиян, русского мира.

Это земля, которую пытались все время захватить. Это земля, которая постоянно попадала в разные ситуации. Она всегда была на передовой. Вспомните любого захватчика — от турков-османов до Речи Посполитой и Золотой Орды.

Семен говорил, это наши [300 спартанцев](#).

Да, это 300 спартанцев.

Это правда. Это передовой отряд, который умирает и встает. Умирает и встает, идет дальше. Это, если, наверное, коротко, кто такие приднестровцы, как они себя чувствуют, что они хотят, как они видят. И это люди, которые не боятся трудностей. Это люди, которые больше всех не опускают руки, которые не просто надеются, верят, они что-то делают. Они выживают как минимум. И при этом они умеют жить в состоянии такой подвешенности, неопределенности завтрашнего дня. Это то, чего сейчас боятся жители России. Усталость от СВО, от этой нестабильности не просто в России, а нестабильности в мире.

ИК. Хочется сказать, посмотрите на Тирасполь, ребята.

АА. Я просто хочу сказать, что Приднестровье живет так настолько давно, что — Алексей меня если что поправит — если я буду вспоминать вдруг только эти 36 лет, 2 сентября республика будет отмечать свою независимость, то можно вспомнить и по итогам Первой мировой, гражданской, революции и прочего, когда тоже была создана республика и что там происходило все это время.

Были разные времена, разные времена были вообще для разных народов, в принципе, которые живут на нашем континенте или в Малой Евразии, или в бывшем Советском Союзе. Но я вижу, что сложно, вижу, что нужно работать, нужно помогать, вижу, что можно было бы сделать, чтобы этого не допустить. Алексей тоже это точно [видит], учитывая, что мы познакомились в Приднестровье 21 год назад, поэтому у нас общие взгляды.

АЧ. Кстати, что меня всегда поражало в Приднестровье, это действительно очень компактный социум, мало народу, но при этом невероятно бурная политическая жизнь. Такого прямо единообразия, где все со всем согласны, там никогда не было. Несмотря на обилие внешних врагов, несмотря на большое количество угроз справа, слева, отовсюду и так далее, всё время бурлило это.

ИК. Интересная особенность.

АЧ. Да, очень активный, заряженный, пассионарный народ. И мы познакомились тогда. Это приднестровский прорыв, такие были акции. Действительно, я с чем соглашусь, это что это точно не люди, которые там сидят где-то на обочине, трясутся и выживают. Нет.

СУ. И какая высокая адаптивность. Потому что — жизнь в условиях непризнанности. Во-первых, это единственная непризнанная республика, у которой своя валюта, подчеркиваю. И умудрялись торговать с Молдовой...

АА. Организация, органы госуправления — на всех трех языках ведется документооборот.

АЧ. КГБ свой.

АА. Своё всё, любое. Представьте, министерство, правительство, вы не найдете отличия, ничего абсолютно.

АЧ. Так это ладно КГБ — свой. При этом, заметьте, когда я туда приехал первый раз, меня что поразило — у каждого было по 4-5 паспортов. Свой приднестровский, советский лежал, украинский, молдавский, еще у некоторых румынский.

АА. Конечно, не у каждого. В зависимости от дел, которые там приходилось вести и как-то выживать, люди владеют разным количеством паспортов. Это выбор. Поэтому можно вполне жить с приднестровским и с российским паспортом, но сейчас, допустим, это очень-очень сложно.

ИК. Это очень интересный момент. Я просто не был ни разу в Приднестровье.

АА. Надеюсь, что смогу вас когда-то пригласить.

ИК. Я тоже очень надеюсь.

АА. Отложенное приглашение, давайте так.

ИК. Хорошо, договорились. Но я работаю со студентами, которые приезжают к нам в университет. Их много, кстати, к нам поступает в университет. И действительно, это особенные ребята. С ними интересно разговаривать. И лично для меня интересно, почему там эта ДНК сработала, там такой социум возник — украинцы, молдаване, русские, выбор языков, как вы сказали.

Это тот путь, по которому могла на самом деле пойти Украина, если бы не выстраивала проект «Антироссия».

СУ. И сама Молдова.

ИК. Да, и сама Молдова, если бы не выстраивала проект «Антироссия».

АА. Слушайте, еще пойдут, правда. Время есть.

АЧ. Кстати, да. Сама Молдова никого проекта не выстраивала. Там проще все было.

ИК. Молдова приняла курс просто ассимилироваться с Румынией, и все.

АА. Можно я просто скажу, что Молдова не принимала таких решений, у Молдовы таких взглядов нет. Это очень важно, чтобы никто вдруг не подумал, что политтехнология — равно выбор народа. Особенно, когда это политтехнологии Сороса, USAID и всяких-разных представителей американской политтехнологии.

АЧ. Даже сейчас, несмотря на все политтехнологии, внутри самой Молдовы Санду-то выборы проиграла.

АА. Давайте это напомним на самом деле, что выборный цикл начался в Молдове в 2023 году, когда были местные выборы, и реально проевропейский курс проигрывал и, вы знаете, избралась Евгения Гуцул, башкан Гагаузии, которая проводила реально суверенный курс автономного территориального образования Гагаузии, и ее не включили в правительство Молдовы, хотя для этого не нужно принимать решение, это автоматическое решение. И там многие мэры победили, разных оппозиционных сил, они взяли муниципалитеты.

Потом в 2024 году, вы помните, были выборы президентские вместе с референдумом. Майя Санду решила как будто бы схитрить, выиграть свои выборы в первом туре за счет референдума проевропейского курса. И вы знаете, она проиграла выборы внутри Молдовы, выиграла выборы за счет итальянской диаспоры и прочего. Причем там всего 60 тысяч человек могли волеизъявляться сходу, им дали эту возможность волеизъявиться. А в России не дали.

Если бы сравнивать по пропорциональности, грубо говоря, официально в России, например, сейчас прямо объявляют выборы и допускают абсолютно всех участников, граждан Республики Молдова, без уточнения списков, то 350 тысяч человек приходят на участки и голосуют. В Италии говорят, что 300. Хотя смутные сомнения, но 300. Им дали, 60 тысячам, проголосовать. А здесь дали проголосовать 10 тысячам. Еще при этом, как я поняла, и не учли эти бюллетени. Их просто не посчитали. Выходит, что 70 тысяч голосов минус.

В итоге получается, что зарубежное голосование типа перевалило ход событий. Она еще и референдум проевропейский проиграла внутри Республики Молдова. Она продула в первом туре. Везде где-то 1,5-2% продула. И она переломила ход — вбросами, выгоняли наблюдателей из европейских участков — и всего смогла натерговать, накинуть себе где-то полтора процента, чтобы просто не проиграть выборы. Притом, что Стояногло выиграл выборы президентские. В первом туре он победил. И второго тура бы даже не было. И во втором туре, вы помните, проценты какие были, он тоже бы все взял.

История и с референдумом та же самая. Это все просто технологии. То же самое, что и на Украине. И мы это тоже знаем, это все было на наших глазах.

АЧ. На Украине сейчас все проще. Никаких политехнологий, равно как и выборов.

ИК. Получается, целая страна в заложниках.

АА. Люди. Я смотрю на людей в первую очередь, что произошло за это время. Давайте начнем с того, что за эти 30, почти 40 лет в Молдову было влито несколько миллиардов только американских денег, несколько миллиардов европейских денег, спойлерных, еще чего-то, а еще отдельно гранты. Это не только Сорос, USAID. И это все работало, готовило, работало, готовило.

По сути, каждый третий гражданин Молдовы на гранте. Каждый третий гражданин Молдовы! Вот что происходит.

АЧ. Это все-таки не заложники, это немножко другое.

АА. На самом деле, это заложники. Человек может быть участником, но он может этого не знать. При этом, представляете, люди голосуют против Европейского Союза, они голосуют против Санду. Партия PAS в 2025 году тоже проиграла, у них не было бы 55 мандатов, у них бы не было 50%. Они не дали зарегистрироваться никому, вы знаете, что они зачистили информационное поле, закрыли 13 телеканалов, закрыли социальные сети, заблокировали Телеграм и запрещенные в России социальные сети. На самом деле они сделали очень многое, чтобы просто сделать тотальную зачистку.

При этом они посадили ту же самую Евгению Гуцул. Это признанный вообще-то лидер гагаузской автономии. Я, конечно, прошу прощения, но вообще-то у Гагаузии особые права в составе Республики Молдова. Это пример для приднестровцев, которых агитируют, показывают, что вам в Молдове будет хорошо, смотрите, есть пример Гагаузии. Посмотрели. Как только люди начинают проводить свой курс, причем в рамках правового поля, вот что

происходит. Гуцул в тюрьме, Светлана Попан в тюрьме, десятки активистов политических оппозиционных сил в тюрьме, около 10 партий было запрещено, что-то было не зарегистрировано и так далее. Это просто феноменальный «демократический» пример, как демократическим силам нужно отстаивать себя в политическом поле.

На самом деле, европейцы — это уже здесь все говорят — уже давно сбросили маски.

АЧ. Ценности демократии, свободы и так далее благополучно слили. Они их заменили на райский сад боррелевский. Условно, выбор стороны.

Фразеология еще частично осталась от старого периода, но Вэнс все сказал, на самом деле, в Мюнхене. Что угроза демократии проистекает не извне, а изнутри Европы.

АА. И сейчас тоже можно посмотреть, что происходит с политическим полем во Франции, с политическим полем Германии, Великобритании и прочими. Они же все посыпались. Мы видим, и [AfD сейчас вышла на передовую](#), и Ле Пен вышла на передовую, и другие силы Великобритании. Они же просто проваливаются у себя.

АЧ. Проваливаются, но уже способами, знакомыми совсем по другим эпохам, удерживают монополию на политическую поляну.

ИК. На примере Молдавии я вообще вижу, что это был очень «хороший» эксперимент, когда обкатали.

СУ. Это модель общая. Вот сейчас мы Армении наблюдаем.

АА. Армении, да.

СУ. На самом деле нам предки что объясняли? Что власть — это всегда диктатура. Вопрос, чья диктатура? Демократия — это диктатура демократов, вот и всё. Просто раньше можно было это как-то камуфлировать, какие-то бантики привешивать, плюс на фоне евромечты «нам будет всем хорошо» демократы диктатуру свою ещё имплементировали на выборах и референдумах.

АА.

Евромечта, как и евроремонт, перестали быть привлекательными. Это все пластик.

Уже окислившийся, покрывшийся пылью, который хочется спрятать, вынести из дома. На самом деле у нас все свое, все правильное. И в Молдове это понимают, а уж в Приднестровье, которое здесь вспоминаем сейчас, тем более изначально, и мнений других не было.

К сожалению, в Приднестровье сейчас Санду объявила персонами нон грата командующих оперативной группой российских войск. Они тихонько высылают их семьи. Вот что происходит сейчас. Грубо говоря, съездили домой, семья, все. Они вычисляют, что это семья военного, и их депортируют. Они не могут от бабушек в России — любой регион — вернуться туда к отцу, мужу, вот что они сейчас творят.

Второе, у них по сей день есть списки российских военных, потому что по соглашению — дурацкое соглашение, извините, конечно, по-другому ничего не могу сказать...

АЧ. Это план Козака?

АА. Нет, это соглашение, по которому был размещен контингент миротворческих сил в Приднестровье, 14 армия стала потом оперативной группой российских войск, и списки военных передавались Кишиневу для того, чтобы типа беспрепятственно, еще что-то — теперь *препятственно* с учетом этих списков осуществляется планомерное выдавливание воинского контингента оттуда.

Третье. Это то, что на территории находится самый большой вооруженный склад вообще на территории Европы. Это все, что вывел Советский Союз, новая Россия, по сути, стала обладателем всего этого потенциала, из Западной Германии, Чехословакии и откуда еще. Там Хиросима и Нагасаки — по тротиловому эквиваленту. Там сейчас со стороны украинской юрисдикции размещены уже войска украинские, которые очень даже хотят этим воспользоваться.

Охраняет это ОГРВ, оперативная группа российских войск, и мы все видели, как Санду много раз каталась к Зеленскому и наоборот. Зеленский сказал, что в любой момент мы готовы помочь навести конституционный порядок с Приднестровьем, и понятно, на каких-то там условиях. Вот он, склад вооружений, промышленный потенциал, электровозможности. Есть электростанции очень мощные, которые, кстати, не только себя, Приднестровье, обслуживают, они обслуживали часть Украины, Молдову, еще даже в Румынию можно это все передавать по мощности.

Сейчас предпринимается усилие информационно перевирать события в России и на СВО. Сейчас во всем приднестровском поле во всех запрещенных инстаграмах пытаются формировать мнение у приднестровцев, что самое простое решение — это сейчас сбежать в Молдову, причем вместе с республикой желательно. План понятен. Молдова сейчас, с Санду, уже давно, с самого начала СВО является тылом для ВСУ. Они ремонтируют технику, они поставляют ГСМ. Они пользуются портовыми возможностями в Джурджулештах. Румынам передали этот порт. Они пытаются сейчас сделать более короткий рукав. Провокации против приднестровцев — это сейчас экономическая, энергетическая блокада.

Они сейчас, как минимум, пока не готовы принять решительные действия, сделать захват, они пока что провели уже 14 учений вместе с НАТО, форсировали Днестр, и получили технику, радары, беспилотные системы. У них сейчас миллиардное оснащение армии идет. Граждане Молдовы были обнаружены на территории Украины убитыми. Это означает, что неофициально Молдова участвует в войне. Хотя по конституции Молдова является нейтральной страной. Но при этом постоянно получают кредиты на довооружение, перевооружение. Там уже расквартирован французский контингент, его видели на заправках. Они гуляют там.

Когда были выборы к 2024 году, туда Зеленский отправил нацбаты. Их тоже видели на центральных улицах Кишинева.

АЧ. Там на секундочку целый Данилов сидит, в Кишиневе сейчас.

АА. Послом.

АЧ. Послом Украины в Молдове. Много лет, один из топовых топов команды Зеленского.

АА. Технолог, по сути. Кровавый технолог.

АЧ. Технолог, полевик.

СУ. Бригадир еще, ко всему прочему. Конкретный бандос.

АЧ. «Мячик» у него был позывной? Такое.

ИК. Фитиль горит, мне кажется.

АА. Там на самом деле грамотно все сделано. Они понимают — чтобы переломить ход, по их мнению, событий на СВО со стороны России, им нужно открыть второй фронт, и второй фронт — это Приднестровье. Получить ресурсы, получить выработку, Молдавский металлургический завод, очень крупные, серьезные предприятия, которые могут работать на оборонку запросто, потому что, понятно, весь промышленный потенциал работал уже на оборонку когда-то, это все было.

Еще и, как Алексей сказал, есть люди с паспортами Украины. Их немало. На самом деле, украинский паспорт все это время, коллеги, было получить гораздо легче, чем российский. Тебе достаточно было просто прийти один раз, и ты получаешь украинский паспорт. Чтобы получить российский, нужно было круги Данте пройти. Просто потому, что ты ярый фанат и самый преданный гражданин Российской Федерации.

Поэтому на текущий момент там где-то около 300 тысяч граждан Российской Федерации, но при этом примерно столько же граждан Украины. А это вообще-то возможности для пополнения ВСУшных людских ресурсов. Хотят, не хотят. Украинцы же тоже не хотят. Понятно, что все это очень страшно.

На самом деле проблем гораздо больше. Приднестровский бюджет вынужден платить еще и таможенные, и всякие сборы в молдавский бюджет. И это началось с момента — Алексей сейчас упоминал — когда Украина была лояльной Приднестровью и по понятным причинам, ведь когда-то вообще-то Приднестровье было частью Украинской ССР. В виде МАССР, Молдавская автономная советская социалистическая республика.

АЧ. В составе УССР.

АА. Реально это первая Приднестровская республика, ей вообще-то уже больше 100 лет. А потом был некоторый план, вы помните, что Бессарабия ходила туда-сюда. Это была российская губерния, но при этом румыны ее оккупировали. И был план по социализации разграбленного региона, который потерял интеллектуальные и все прочие возможности за время оккупации румын. Потому что они превратили это в рабскую сельхозколонию. И к Приднестровью, к МАССР, присоединили Бессарабию. Причем, вообще-то, в МАССР была столица в Тирасполе. Документ был подписан в 1924 году в Балте.

А потом, через 5 лет, формировались органы власти, здания строились и все прочее, столица МАССР была в Тирасполе. И только чтобы спасти разграбленную Бессарабию, сделали столицу в Кишиневе. Вообще-то, Приднестровье — главная прародительница республики.

И если вспоминать,

если вдруг Молдова хочет, чтобы Приднестровье присоединилось, тогда Молдове придется присоединяться к Приднестровью.

СУ. А это единственный способ спастись им, на самом деле.

АА. Что дальше? Надо дальше вспомнить, что вообще-то исконные бессарабские земли еще и на территории Румынии. Поэтому, если чего-то там проверять и смотреть, то тогда смотреть

надо в корень.

А потенциал для этих всех вещей есть. Мы видим, что пока не приняты коллективные брюссельские решения о том, чтобы сделать больно России, напав на Приднестровье, осуществляются все эти ползучие методики в стиле занятия информационного пространства, давления на приднестровцев, и всякие экономические рычаги, которые мы тоже видим. Это тоже на понимание.

Но при этом надо отдать должное политическим силам в Приднестровье, что они находят возможности и силы в себе, несмотря на то, что их внесли и в «миротворцы»... Кстати, тоже являюсь членом этих прекрасных таблоидов, бордов и всего прочего. И молдавского «миротворца», и украинского «миротворца».

АЧ. А что, еще и молдавский есть «миротворец»?

АА. Да, есть.

СУ. Маленький такой [(укр.) – маленький такой].

АА. Но он, кстати, не маленький. И потом, раз мы начали говорить о Приднестровье, как о передовом отряде 300 спартанцев, то все это время Приднестровье живет под санкциями. Все это время. Ни дня без санкций вообще.

АЧ. С 90-лохматого года?

АА. С 1992-го. Если говорить о создании республики, по сути, 1990-й — год создания республики, а 1992-й — вооруженный конфликт. С 1990 года 36 лет санкций, по сути.

ИК. Вопрос, сколько продержится еще?

АА. Вопрос этот не только к приднестровцам в стиле «как вы там, еще сколько продержитесь», а вообще ко всему адекватному сообществу разных сил, включая экспертные силы.

ИК. Адекватное сообщество здесь, конечно...

СУ. Это вопрос ко всей России на самом деле.

ИК. Вопрос к нам, самое главное. На тех-то что смотреть?

СУ. Понимаешь, когда создавался прообраз Приднестровья, МАССР, это был проект наших предков. Главным идеологом был Котовский.

АА. Фрунзе, Ткаченко.

СУ. Бадулеску. Целый ряд был деятелей, но Котовский обладал просто невероятным авторитетом.

АА. Он возглавлял штаб РККА, мы помним.

СУ. И поэтому даже самих молдаван было в меньшинстве в этой МАССР.

АА. Всех примерно одинаково было там.

СУ. Но это был проект на будущее, и поэтому в 1940 году спецоперация прошла в 48 часов.

Первые 24 часа румыны думали, что будут сопротивляться, а вторые 24 часа просто тикали с территории нынешней Молдовы и Бессарабии с Буджаком, это часть Одесской области, вплоть до Измаила. Восстание, самое знаменитое, Татарбунарское, было очень жёстко подавлено.

Мы никогда не признавали утрату этого региона. Это были временные трудности. Именно поэтому удалось всего этого добиться. Потому что проект рассчитан был, считай, на 15 лет вперед. В 1925 году создали, в 1940 — вернули. Поэтому там историческая память есть, что нужно держаться, потому что рано или поздно ход истории поменяется. Это не надо нашей общей оптикой смотреть.

АЧ. Совсем новая ситуация возникла буквально сейчас, этим летом. Потому что наши наконец-таки дожали мост в Затоке и мост в Маяках. Следовательно, украинская логистика вся может идти теперь только через Молдавию, та, которая на дунайские порты. А учитывая, что Одесский порт дисфункционален, для них сейчас это принципиальный вопрос.

Это, конечно, кратно повышает риски всякие. Хрупкое равновесие, которое было долгое время, сейчас по разным причинам начинает сыпаться. И, конечно, на этот регион надо смотреть внимательно.

Но по большому счету все равно все понимают, что рано или поздно вариантов нет других — надо забирать Одессу.

АА. Приднестровцы вообще давно сделали свой выбор, я уж не помню, сколько там было референдумов, 7 или... Их было много, и каждый раз 98% за свободное вхождение в Россию и против интеграции с Республикой Молдовой.

ИК. 2006 год — 97,2%.

АА. Это постоянно, 2006 год, один из недавних.

АЧ. А я там был тогда, на том референдуме.

АА. Я его помню, 17 сентября 2006 года, потому что мы были одним из организаторов. Я сама голосовала за это, начнем с этого, я приднестровский гражданин. Не только российский, но и приднестровский гражданин. Что, кстати, законом Российской Федерации разрешено. Просто потому, что на текущий момент Приднестровье не признано. Россия признала, получается, Абхазию и Южную Осетию, но при этом не признала Приднестровье.

ИК. Это, кстати, не очень понятно.

АА. Не очень понятно. Вот в Приднестровье это точно не очень понятно, чтобы вы понимали тон, с которым там задается этот вопрос.

ИК. Мягко говоря.

СУ. Это Приднестровью даже немного обидно, а где-то даже оскорбительно, особенно если в личных беседах. Понятно, что никто это на публику не вытаскивает, сор из избы. Но в личных беседах, я много бывал в Приднестровье, и постоянно, когда общаешься лично — вообще непонятно, как так?

Если бы не было 2008 года и признания Осетии с Абхазией, можно было бы говорить, что это в целом у России такая политика. А когда оно изменилось – то как так?

ИК. Я боюсь сказать страшное, может это предмет какого-нибудь договорнячка на баланс сил?

АЧ. Все не так, не так это работает. Мы и Абхазию с Осетией ни разу в жизни никогда бы не признали, если бы не «Олимпийская война». А так — у нас, к сожалению, логика бюрократии: оно там как-то работает, и давайте не ворошить, лишь бы что не вышло.

АА. Россия, конечно, пыталась в лице Козака, которого вы сейчас вспоминали, Дмитрия Николаевича, что-то сделать, но даже то, что не очень нравилось приднестровцам, это план федерализации с особенностями, планами вето и так далее, документ 2003 года, за несколько часов президент Молдовы — на тот момент Владимир Воронин — отказался подписывать. Насколько история шепчет, ровно после разговора с послом США. Такая себе история.

ИК. Я не вижу причин. Результаты референдума есть. Мы уже признали несколько новых регионов. У нас даже подкаст был «[Кто еще войдет в состав России](#)».

СУ. Понимаешь, теперь, в условиях СВО, это может стать поводом для активных боевых действий. Но СВО идет несколько лет, а Приднестровье самоопределено с самого начала.

АА. В 1990 году были созданы депутаты всех уровней, съезд, и провозглашена независимая Приднестровская Республика. Приднестровье, как я понимаю, единственное осталось в составе Советского Союза, до сих пор!

СУ. Так это и есть Советский Союз.

АА. Давайте это вспомним.

АЧ. Все вышли, включая Российскую Федерацию.

АА. А Приднестровье осталось.

Более того, если мы вспомним еще и документы, которые приняла Республика Молдова, то они денонсировали пакт Риббентропа-Молотова, по которому, собственно, они сами вышли из нашей же Приднестровской Молдавской Республики. Если уж на то пошло. Сейчас нет вообще-то юридических оснований...

АЧ. Существования Республики Молдова?

АА. Нет Молдовы. Она не существует. Санду не просто проиграла. Она проиграла в денонсированной [республике].

АЧ. Кстати, уже переходя от Приднестровья к самой Молдове. Я на что обращал внимание? Что базовая дискуссия в самой Молдове вертится вокруг одного вопроса, который мне, из Москвы, из России, просто в голову не влазит. Это вопрос — а нужно ли нам вообще свое государство?

АА. К сожалению, да.

АЧ. А может, лучше нам просто присоединиться? Просто его закрыть, распустить и просто стать провинцией Румынии.

АА. К большому сожалению, Молдова уже предприняла несколько шагов в этом направлении. Румынский язык в Конституции. Приднестровью когда-то не понравилось, что молдавский на латинской графике стал единственным языком для всех. И тогда приднестровцев начали

щемишь по этому признаку — язык, потом национальности. Люди просто объединились, подумали: так, лучше мы сами у себя дома наведем порядок, без странных людей. Эти «народные фронты», «национальный фронт» там был.

АЧ. На кириллице же остался молдавский в Приднестровье?

СУ. Так он остался только в Приднестровье. Молдавский язык остался только в Приднестровье.

АА. Вообще молдавский — он и есть на кириллице, а румынский — на латинице. И дальше они предприняли очень много разных пренебрежительных действий, из-за которых, собственно, теперь у них вообще — «а кто мы?» Флаг румынский. Они сидят под румынским флагом.

Ползучая румынизация. Люди говорят на румынском, едят на румынском, в Конституции румынский. И причем сама президент Молдовы — румынка, гражданка Румынии. И вообще очень сильно расстраивается, что ей приходится работать президентом в республике Молдова, потому что она чувствует себя европейкой и главой какого-нибудь там суперсовета, европейской комиссии какой-нибудь или что-нибудь такое.

АЧ. Справедливости ради, это все-таки не уникальный случай. В Грузии была такая же точно Саломе Зурабишвили, гражданка Франции.

АА. В самолете, пока она летела в Грузию, она стала гражданкой Грузии. Для того, чтобы стать президентом. Вообще, не осуждается, на самом деле. Была бы польза для людей.

А сейчас, что мы видим в Республике Молдова, это кратно выросшие тарифы на все. Газ — стоимость в 4 раза, электричество — стоимость почти в 3 раза. Открытые рынки для Европейского Союза при закрытом импорте в европейские страны. Сами люди в Молдавии говорят: как мы заходим, если у нас польские яблоки, турецкие помидоры, чьи-то там груши, а своего — ничего. Подождите, это Молдова или кто?

ИК. Я и говорю, это первый случай в истории, когда государство хочет самоликвидироваться.

АЧ. Самораспуститься.

АА. Просто невероятно. Поэтому еще больше хочется вспомнить нашего Владимира Владимировича Путина, президента, который нам сделал эту прошивку жесткого диска, что здесь главные люди россияне, и здесь есть земля, есть потенциал. Он работает только на россиян. В гости — пожалуйста, но не интервентами.

СУ. Молдова, на уровне схемы, это та самая неокolonизация, причем на всех уровнях. На экономическом — то есть разрушение [экономики]...

ИК. Это самоколонизация.

СУ. Не само-.

АА. Когда саранча приходит, нельзя же сказать, что там съедено все без нее, правда? Саранча пришла, высадились и жрет.

СУ. И новое поколение саранчи еще подросло. Майя Санду — это уже выросший политик. Первая волна — это были перебежчики еще советские.

АЧ. Коллективный Мирча Снегур, он же Воронин.

СУ. С Ворониным были иллюзии, он же приднестровец. Я помню, была история...

АЧ. Слушай, я с ним общался в дистанте недавно, Алена свидетель.

АА. Честно, я еле держалась. Это было заметно.

АЧ. Ни на один вопрос тогда не ответил. Но было видно, что он о многом жалеет.

АА. Да, видно. Я тоже увидела. Первое, что я увидела, сожаление, раздражение в этой связи. И невозможность что-то исправить. И это давит ему на горло, по-моему, очень сильно.

СУ. Он мог бы стать Лукашенко молдавским. Возможности у него были. У него была поддержка, плюс он выходец из системы МВД и одновременно из сельхозпроизводителей, а это ключевая опора. Потому что система власти приднестровской во многом – контур МВДшный...

АЧ. Проще говоря, человек струсил в критический момент один раз в жизни, но дальше — читали Булгакова, да?

СУ. Еще и были вопросы по коррумпированию его сына. Как проросла новая олигархия, которая там была очень бандитская. Это отдельная тема.

АА. Все страны постсоветские проходили этот период, и это не мешало принять верные решения, которые нивелировали бы или не создали [таких ситуаций].

СУ. С Кучмой случилось то же самое. Он тоже выбирался как провосточный президент, а потом, в первую очередь, через зятя, дочку, крупные капиталы.

АЧ. Семен, не согласен про Кучму. Леонид Данилович строил как раз достаточно осознанно свое. Я еще по книжке «Украина — не Россия» понял, у него была концепция. Он считал, что мы построим страну лучше, чем эти идиоты в Москве.

АА. Не запрещается. И можем даже не обижаться. Но похоже, что этого не случилось.

АЧ. Не получилось ничего. Но это, как всегда, «не шмогла». Понятно. Но, по крайней мере, у него была концепция.

А Воронин просто испугался. У него не было никаких прочных убеждений, у него не было никакого проекта, у него была средняя общесоветская идентичность, как у всех. И он в тот момент, когда надо было взять на себя ответственность...

АА. А это сыграло в пользу тому же Приднестровью, потому что они смогли, они решительные. Давайте вспомним только одного Игоря Николаевича Смирнова с его весом, авторитетом и решительностью. Это первый президент Приднестровья многолетний. Производственник, он же возглавлял до этого завод крупный. С ним нельзя было разговаривать не на равных, не получалось прищемить там никого. И в нужный момент он принимал нужные решения, объективно.

АЧ. Одни смогли, другие — нет, одни испугались, другие — нет. Сейчас это очень видно на всем остальном постсоветском пространстве.

АА. К сожалению, да.

СУ. Что очень важно. Товарищ Алена с настоящим приднестровским характером. А я считаю,

что спортивная воля и воля к победе — это то, что характеризует приднестровцев. И здоровая злость спортивная.

АА. Ярость.

СУ. Без которой нельзя. Спорт и политика очень похожи в этом смысле. Есть элемент постоянного соревнования.

Тоже в России ты на передовой. Деятельность, связанная с АНО «Евразия», где мы сейчас сотрудничаем немного — я в меньшей степени, а Алена форвард этих процессов — это попытка, достаточно активная и местами очень успешная, сопрягать усилия. То, что называется «мягкая сила». Слово заезженное, но оно много несёт в себе.

Я считаю, что это первая системная попытка в России. И то, что в Молдове признали «Евразию» экстремистской организацией — как раз пример того, что они понимают, откуда исходит для них опасность.

АА. Конечно, они же знают нас в лицо.

СУ. Хотелось бы уже перейти к второй части беседы. Опыт, который был получен в Приднестровье, это теперь попытка продвигать это и в других странах, не только постсоветского пространства.

АА. Конечно. В чем сила Приднестровья? Не в мягкой силе, а просто в силе. И сила «Евразии» тоже в силе. Это сила всего. И интеллектуальных возможностей, и гуманитарных возможностей, а самое главное в открытости. Потому что ни «Евразия», кстати, ни Приднестровье не скрывают своих желаний, своего образа видения будущего и прямо об этом говорят.

АЧ. Да, согласен, другая модель.

АА. И использует инструмента. Это другая модель. Здесь не надо тихо вкрадываться.

АЧ. Не иезуитская.

АА. Из-под плинтуса, экспансию какую-то делать. Мы говорим: смотрите, есть наша опора, наш общий единый знаменатель. Это что? Общая история. И в каждой стране определенные исторические страницы, они разные. Мы их анализируем, мы их пересматриваем, мы вместе их обсуждаем открыто.

Это русский язык, это общая культура, общие ценности, традиционные ценности, мы одинаково к этому ко всему относимся, как бы наших детей они ни втягивали во что-то.

На самом деле я вижу, что традиции очень сильны и в России, и в постсоветских странах. «Евразия» говорит открыто, что мы, во-первых, за курс президента России Владимира Путина. А это курс на что? На традиционные ценности, на объединение, на поддержку Евразийского экономического союза, на объединение коллективных сил безопасности в рамках ОДКБ, поддержка ШОС, поддержка БРИКС, это поддержка борьбы с неокOLONиализмом, это поддержка африканских стран, это голос каждому народу в мире, это объективная реальность, которая трактуется.

Что для этого нужно? Нужно разговаривать, нужно видеть друг друга — сквозь русофобию, проходить сквозь толщу этой воды, она мешает, она создает плотную завесу. Но с помощью

личного контакта — я не помню, сколько тысяч людей, я лично уже пожала руки каждому, это дети, подростки, их родители, учителя, врачи, блогеры, журналисты и так далее. Это молодые лидеры студенчества и прочее.

Самое главное, что мы создаем условия и даем возможности людям встретиться. Кстати, не только на территории России, но и Армении, Беларуси и так далее. У нас много стран сейчас участвует в наших проектах. 53 страны в июне уже приехали в Сочи на «[Евразия Кинофест](#)». У нас есть разные проекты, в которых участвует определенное количество стран. Например, «Евразия Кинофест» — это творческая интеллигенция, режиссеры, продюсеры, артисты, актеры, группы съемочные, уже 53 страны.

«Территория детства» — это 15 стран. Это дети, которые приезжают в Россию и, попадая в наши российские образовательные лагеря детские, вместе проводят время, смены. Учителя, врачи — это где-то около 20 стран. Для каждой страны свой ключ, пожалуйста. То, что вам откликается — заходите. Так мы работаем.

При этом мы говорим прямо — мы не хотим свергать правительства, не дай бог, мы просто общаемся и создаем платформу для нашего будущего. Люди определяют, кто в правительстве в их странах, мы не вмешиваемся в это, и это очень чувствительные темы для очень многих.

ИК. Это называется уважение и добрососедство.

АЧ. Все равно, учитывая, что Запад-то действует именно так, что все эти грантовые раздавайки сначала заходят, а потом случаются майданы, понятно, что правительства, руководство этих стран и на нас смотрят — типа, когда вы пойдете нас свергать?

СУ. Парадокс, на уровне схемы. Западная модель мягкой силы заключается в чем? В размывании институтов государственности. И в ходе размывания постепенный захват разных...

ИК. Зависимость, конечно.

СУ. Не просто зависимость, захват органов. Как семипосольщина была у Зеленского. В Молдове через Конституционный суд произошел захват, еще в начале-середине 90-х годов.

У нас другая модель. Мы заинтересованы в сильных государственных институтах у наших союзников.

АА. В суверенных, реально народно управляемых республиках и государствах.

СУ. Единственное, что нам не нужно, чтобы государственность была антироссийской. Потому что она может быть сильной, но антироссийской. Вот этого нам точно не нужно. Но сильные институты нам нужны. И президентская, и исполнительная власть. Поэтому нам нужна интеграция на уровне систем образования, МВД.

Мой любимый проект, хотя я в нем не особо участвую, больше анализирую, это [Евразийский педсовет](#).

АА. Я его обожаю. Мой самый главный, мне кажется.

СУ. «Полюбила педагога — денег нет, тетрадок много». Это же самые обездоленные люди постсоветского пространства. Нагрузка на них только растет, отчетов писать надо все больше и больше.

АЧ. Детей учить все сложнее в эпоху гаджетов.

АА. Проблемы во всех странах одни и те же. Мы их обсуждаем.

АЧ. Кстати, интересно, сейчас самые разные страны начинают даже вводить ограничения на соцсети для несовершеннолетних. Это прямо тема острая. И в школах запрещают гаджеты.

АА. Мы это тоже обсуждаем там. Я еще хочу, к слову, вернуться к темам, что Сорос и USAID — это инструменты захвата ресурсов других стран для США, и другие направления европейской захватнической элиты. При этом не только ресурсы, но и способ борьбы с Россией.

Для них такие организации свои, типа «Евразии» — Сорос, USAID, кто-то закрыт, кто-то нет — решают два вопроса. Это вхождение их корпораций, изъятие земель, промышленных потенциалов, экономики, экспорт и прочее. И рабочая сила, кстати. Они видят в людях рабочую силу, которую потом забирают в виде уже адаптирующихся на территории других стран, своих стран, европейских стран, например.

И никогда совершенно в этих странах они ни депутатами не станут, ничего [подобного]. Вот, например, я приднестровец — пожалуйста, в России и депутатом Госдумы можно стать, и как угодно. Россия смотрит на эти вещи по-другому. Россия видит людей.

«Евразия» в других государствах видит хороший потенциал для развития союзнических хороших отношений и реализации бизнес-экономического потенциала. Потому что, понятно, Евразии сам бог велел как континенту экономически расти. И тут где-то один Алексей заулыбался.

АЧ. Я вспомнил одну историю. Ты говоришь, что они там никогда никем не станут. Я вспоминаю, в какую-то финансовую власть в США пытались поставить на серьезную позицию бывшую гражданку Казахстана, которая давно уже гражданка США, которая уже совсем в доску своя, уже закончила все мыслимые гарварды, стэнфорды.

АА. Я припоминаю этот случай.

АЧ. И внезапно сенатская комиссия и кто-то из сенаторов ее начинает [спрашивать]. «Скажите, а вы были членом ленинского комсомола? А вы давали клятву комсомольца?» Клянусь.

СУ. Значит, серьезно относятся к клятвам.

АЧ. И она хлопала глазами и пыталась объяснить, что в позднем Советском Союзе это же была пустая формальность, это же так было у всех, никто никогда серьезно к этому не относился. Но нет, этот сенатор упорно [спрашивал], и в итоге так и не поставили ее.

АА. Это на самом деле было ужасно, было ужасно жалко женщину.

АЧ. Тетку жалко.

АА. Потому что наверняка профессионал. Я ничего не знаю, конечно, но это просто ужасно.

Так что «Евразия» видит в первую очередь людей, которые должны определять, как у них дома уже и прочее. Поэтому «Евразия» дает гранты на разные инициативы, но, естественно, под наше общее видение традиционных ценностей, истории, развития русского языка и так далее. Потому что мы должны это сохранить, потому что это нам помогает поддерживать единое

ментальное, информационно-культурно-образовательное пространство наших стран.

Где-то его уже, допустим, нет, а где-то есть. В разных странах мы работаем по-разному. В Молдове, например, нашу организацию признали экстремистской по обращению спецслужб Молдовы. Это СИБ, который обратился в суд, и они это сделали, признали. На самом деле, это вообще неудивительно, просто жаль.

СУ. Людей жаль.

АА. Людей жаль, потому что это возможности.

Они запретили учителям сотрудничать с «Евразией». Учителя все равно продолжали ездить. И они поняли – так, надо признать организацию экстремистской, чтобы это было законодательно запрещено. А до этого они принимали решения на уровне декларации этикета, что с «Евразией» сотрудничать не надо. Это не помогало, и поэтому они сделали это.

И главное, что интересно, что у учителей, которые сюда приезжали из Молдовы — они продолжают приезжать, но не будем об этом говорить — что у них большой интерес к учебникам истории, русского языка, к литературе и так далее. Потому что учебники теперь — истории не Молдовы, а Румынии дети изучают.

СУ. История румын.

АА. История румын.

Там оккупанты фашистские называются освободителями.

Армия Антонеску — это армия освободителей. Они «освободили» территорию Молдовы, в 13 концлагерях истребив евреев и всех, кто был неугоден. Это реально десятки, сотни тысяч жителей Молдовы. Вот такие освободители.

ИК. Вот такая история.

АА. А на 1 сентября в прошлом году детям раздали флажки запрещенной в России организации и движения ЛГБТ. Родители были в шоке. Первоклассникам!

АЧ. Сама женщина-президент — член этого движения.

ИК. Также запрещенного.

По русской истории, кстати, у нас [отдельный выпуск](#), дорогие наши зрители, пересмотрите, с Александрой Коновченко, как раз мы там подробно разбираем, как переписывают историю на постсоветском пространстве и вообще на Западе.

АА. Туда закладывают нарративы «интересные». И все учебники полны [лжи].

А еще главное, что не просто в учебниках, так они мемориалы оккупантам теперь ставят, румынам — мемориалы. И лично госпожа президент, правительство принимает участие в открытии этих памятников или перезахоронениях. Это что такое вообще? Разницы с Украиной вообще не ощущаю никакой. И на этом фоне приднестровцы: «Что? С обеих сторон вообще что происходит?»

СУ. Интересно, что происходит. Сейчас приведу пример. Есть такой деятель исторический Кенесары-хан в Казахстане. Он, с одной стороны, поднимал восстание против Российской империи, но, с другой стороны, он раскольный еще и по отношению к киргизскому... Чем все закончилось? Он пытался грабить в Чуйской долине манапов. Там не ханы были, а манапы — племенные вожди. И в результате они его убили после того, как он пошел.

Получается возвеличивание непонятных фигур, чуть ли не средневековых. Мы про них ничего не знаем. Кто они, что они. Чем дальше фигура, тем проще на нее любую мифологию [написать]. И получается, что он не только вредит отношениям, но еще и ближайших соседей культурных — ближе нет народов, чем казахи и киргизы...

АА. Это, кстати, тоже отличие российской госполитики по отношению к другим странам — в любом виде, в официальных отношениях или в мягкой силе — и американцев и европейцев, евроатлантистов. В том, что *они конструируют реальность* под себя, они забирают реальность, на которую опираются люди внутри страны. Идет подмена исторических личностей, подмена исторического фундамента, и на нем уже строят новую конструкцию, возводят каркас.

АЧ. Здесь я бы, что называется, отмноготочился и надел бы шляпу философа.

ИК. Давай.

АЧ. Чем же мы от них в этом вопросе отличаемся? Тем, что им, по большому счету, на любую историю любого из этих племен глубоко плевать. А, следовательно, для них это чистый лист и свободное творчество. История является [объектом творчества]. У вас будет такое прошлое, которое нам нужно сейчас. Потому что реальная, объективная, фактическая, достоверная историческая картина их не интересует. Для них это литература. Именно потому, что

расовый англосакс считает, что у этих варваров вообще нет никакой истории. И не должно быть. История у них будет такая, какую мы им нарисуем.

Мы такого себе позволить не можем, именно потому что в глубине души мы испытываем уважение и к своей истории, и к их истории. И поэтому мы всё время пытаемся разговаривать в формате «какая бы она ни была». Какая бы она ни была сложная, какими бы ни были противоречия между нашими народами и так далее, давайте садиться и разговаривать. Мы не пытаемся ее переписывать набело, мы не можем в этом смысле через себя переступить.

Здесь дальше самый интересный вопрос, это наша сила или слабость?

АА.

Сила всегда в правде.

АЧ. Можно же и так сказать, что именно потому, что они отвязаны, у них преград нет, они свободно лепят любые нарративы, какие угодно. Именно поэтому они...

ИК. Они ведут себя наглее, нахрапистее, жестче.

АЧ. Жестче, вот слово — эффективнее.

СУ. Я тебе отвечу, надев шляпу политтехнолога.

Они работают на негативе, а мы прекрасно знаем, что на негативе работать проще.

АЧ. Конечно.

СУ. Намного. И сигнал, когда ты работаешь на конструктиве — я сейчас не про позитив, именно конструктив — должен быть в 7 раз сильнее. Любой продажник, маркетолог это знает, даже не надо быть политтехнологом. И самое главное, что когда ты работаешь на конструктиве — это уже из профдеформации [КОГНИТИВНЫХ ВОЙН](#) — тебе нужно апеллировать в большей степени к рации. А в плане чувств ты апеллируешь к этическим нормам, моральным. Мы строим будущее. А когда ты работаешь на анти-идее, ты работаешь на чистых эмоциях.

АЧ. «Они нас обидели, они наши враги, они гады, они наши сало съели».

СУ. И они всегда нас обижали, посмотрите, в XIX веке, в XVIII, в XVII.

АА. Правда всегда фундаментальнее, чем эмоции, которые меняются время от времени. Эмоции — это периодика. И поэтому

евроатлантисты со своими планами постоянно сыпятся и крошат свои зубы о
Россию в любом виде.

АЧ. Крошат и крошат, а у них новые отрастают.

АА. А это постоянная борьба. Это борьба за жизнь, это борьба за свой образ будущего.

АЧ. Мы же должны какой-то вывод сделать. Мы тогда все были совсем маленькие. Наше поколение все было детьми в тот период.

АА. А мы разве не сделали выводы? По-моему, сделали.

АЧ. Тот удар, который по нам нанесли в конце 80-х, когда просто об коленку поломали... Честно говоря, до сих пор я ловлю эту эмоцию с той стороны, это некое изумление: мы же вас уже победили, чего вы рыпаетесь? Даже в контексте СВО. Куда вы полезли? Мы же вас уже победили. Вы должны были кушать, что дают, смотреть, что велено, и голосовать, за кого скажут.

СУ. И дальше разваливаться. У них же концепция — побольше национальных государств, конфликтующих между собой.

АЧ. Все время. И вечно этих растравливающих обиды друг на друга, кто когда чье сало съел.

АА. Хорошо, интересно. Давайте обменяемся, кто какие выводы сделал. Тогда так, может, Иван скажет?

ИК. Я в этом плане постоянно говорю, что наша православная правда — понять, простить и действовать, основываясь на нашей православной этике — все-таки сильнее. Я тоже склоняюсь именно к этому выводу, что рано или поздно в этом все-таки наша сила сработает.

АЧ. «Рано или поздно» — как-то хочется дожить.

АА. Я бы сказала следующим образом, какие выводы сделала я. Что жизнь — это борьба. Постоянная.

АЧ. «У верблюда два горба».

АА.

Есть два режима — «вкл» и «выкл». И надо быть всегда «вкл». Потому что если «выкл», то ты вышел. Всё. И вернуться возможности нет.

На поле битвы, на площадку. Это постоянно должен быть включенный процесс и должна быть система предохранителей и балансов, потому что не может быть «вкл» один человек, а все остальные «выкл».

Это, когда я смотрю нашего президента Владимира Владимировича. Владимир Владимирович Путин — это не просто наш президент, это система кодов, о которой все это время он нам напоминает, *что мы, кто мы такие*.

«Вкл» должны быть все.

А не так, что кто-то там по очереди, и он вынужден кого-то бодрить, кому-то что-то напомнить.

Дальше. Система рубит класс, как мы помним. Должна быть железобетонная система, но в этой системе должны быть железобетонно люди с яростью и кипящей кровью. Это тоже дает возможность не выключаться и не говорить: «А, Кемска волость? А я-то подумал, боже мой, забирайте», цитата из известного кинопроизведения. Это значит быть всегда включенным, а если кто-то вдруг «выкл», то система сработает так, чтобы вовремя сделать ему «вкл», примерно так я это вижу.

Дальше. Это постоянная работа, это вечный двигатель. Без выходных, без проходных, 24 на 7.

АЧ. Как председатель клуба мужчин-бездельников протестую!

АА. Это я знаю, что у вас есть клуб, в который вы меня не можете пригласить по гендерному принципу.

Я к чему это говорю? К тому, что система должна быть выстроена таким образом, что нет такого, что сегодня мы усилились на приднестровском направлении и пропали с армянского направления. Усилились на этом направлении, пропали с этого направления.

ИК. Это мы умеем.

АА. Это не системная работа. Начинает развиваться ОКР, когда ты это видишь просто, и на самом деле это работа монотонная, как раб на галерах.

ИК. Да. Семен сейчас скажет, что для этого нужна очень четкая, понятная и простая идеология. Чтобы эта работа была постоянно.

АА. Еще раз. Когда кто-то начинает говорить про идеологию, у меня закипать начинает. Идеология есть. И эксперты могут ее делать более осязаемой. Но это не значит, что мы должны на кого-то нажать и что-то опять прописывать в Конституции. Я считаю, что должны сработать на всех уровнях — тактический, оперативный и стратегический.

То, что я сказала сейчас про систему, стратегический, оперативный и тактический, это должны быть вообще в принципе подготовленные люди, которые тоже «вкл». Не «от выборов до выборов» и не «от спецопераций до ковидов» объяснять: сегодня нужно мобилизоваться, сегодня нужно так, здесь так. Это человек и гражданин, который всегда готов к любым вызовам и угрозам.

У нас написаны страницы истории уже, чего там только не было. И сейчас мы продолжаем писать эти страницы. Этот выбор произошел до нас. Мы жители Евразии, мы жители Российской Федерации, и здесь только сильный человек, только включенный человек, который готовит тоже сильных людей, заботится друг о друге, о том, кто не может о себе позаботиться, и социальное государство... Так должно быть, а не так, что иногда — не буду конкретные примеры в регионах приводить — власть появляется время от времени перед выборами. Подождите.

ИК. У меня только один вопрос. А мы так умеем?

АА. Да. Сразу говорю, да. Умеем. 100%.

СУ. Приднестровцы точно.

ИК. Я хотел сказать, что приднестровцы точно умеют. Это мы уже выяснили, 100%. Это все возможно, потому что, понятно, наши люди сильные. Просто иногда нам нужно друг другу напомнить это. И не сетовать, а пересобратся и идти дальше.

АЧ. Но тут вопрос же не в силе. Вот я сейчас буду спорить все-таки.

АА. Рада с вами поспорить. Это честь для меня.

АЧ. Все-таки буду спорить. Придется надевать тогда другую шляпу.

АА. Но не как «Свадьба в Малиновке», главное.

АЧ. Да.

Занимаемся системами антидронной ПВО. И человеческий фактор. Что такое ПВО, любая? Это недели, иногда месяцы дежурства. И потом минуты сверхнапряженного аврала. Это противоречит нашей биологии. Не может так человек. Это дико, невероятно трудно — поддерживать бдительность в таких условиях, стоять на страже и на посту, когда действительно неделями ничего не происходит, а потом — бац! — летит, и ты должен в течение нескольких секунд... И видно, как это трудно людям нетренированным и неподготовленным.

АА. Подождите. Это вы сейчас констатируете факты сегодняшнего дня. А мы говорим об образе будущего или о том, что мы хотели бы, чтобы было. Сегодня мы решаем свои вопросы. А вообще-то мы нужны — в том числе и другим народам помочь. А это означает включённость каждый день. А не так — сохранять бдительность на какой-то период, а потом её терять.

АЧ. Я согласен, но невозможно быть включённым каждый день. Это противоречит нашей биологии. Наша биология, особенно в нашем климате, это 3 месяца аврала и 9 месяцев

лежания на печи. Несколько десятков моих предков...

АА. Иначе ваших предков бы сожрали, понимаете? А так — вы есть.

СУ. У нас есть разный климат, Россия большая.

АА. Не-не-не, Алексей, я не дам вам спать спокойно. 9 месяцев — даже не рассчитывайте.

СУ. Это на самом деле очень важный вопрос, потому что мы знаем, что пассионариев, людей неугомонных — это именно неугомонность, есть отличное русское понятие — небольшой процент в обществе. Но вопрос, как неугомонность передавать другим людям. Я считаю, что то, что нам нужно, чтобы достигать подобных целей — это возрождать коллективную сущность человека.

АЧ. Семен, сейчас важное скажу. Я согласен про коллективизм. Но ведь как раз-таки нас в каком-то смысле это и подвело на позднесоветской стадии. Когда именно в логике коллективизма пассионарность, в общем-то, заравнивалась.

СУ. Так это главная проблема, конечно.

АЧ. Советский Союз, к власти пришло поколение победителей в Великой Отечественной, наконец-то, в середине 60-х.

СУ. Неугомонных.

АЧ. Нет. Люди, прошедшие войну. Поколение Брежнева, Косыгина и так далее. На тот момент еще достаточно молодые, энергичные и все прочее. У них какая была базовая эмоция тогда? Хватит бороться за мир во всем мире. Хватит бороться за победу коммунизма. Давайте уже дадим нашим людям наконец-то пожить спокойно. Леонид Ильич на съезде сказал: «главная задача партии и правительства — это постоянное удовлетворение всевозрастающих потребностей трудящихся».

В общем и в целом можно сказать, что мы как раз всей страной тогда – «мы» я образно говорю, мы тогда сами маленькие были, наши непосредственные предшественники – тогда, когда-то в 70-е, откровенно расслабились. Уровень жизни начал подрастать, наконец-то еда спокойно в магазинах появилась. У людей — отпуска. Общество развитого социализма. Позднесоветский достаток.

И стало непонятно, зачем нам вообще это все. Особенно Афган. Какой на хрен интернациональный долг в каких-то непонятных кишлаках, где-то там далеко на юге? А потом, когда советская армия выходила из Афганистана, есть про это воспоминания, некоторые говорят: а ведь это же конец империи. Ведь это же означает, что они потом будут еще выходить, выходить и выходить. Из многих городов, земель и столиц.

Мы тогда именно как общество, именно как страна расслабились.

Мы отказались иметь большие цели.

То, что мы транслировали во внешний мир – и американцам, и европейцам, и всем остальным, это вечная песня кота Леопольда.

АА. Давайте вспомним, к чему такая политика расслабления привела. И Приднестровье тут не зря вдруг вспоминается в этот момент. И не только Приднестровье, а посмотрите сколько. Это же трагедии. Это тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч погибших, потерявших дом.

АЧ. СВО — это туда же.

АА. Вы только подтвердили мои слова.

ИК. Да, это правда.

АЧ. Вот оно как — расслабляться.

СУ. Закольцую с одним нашим обсуждением про артели. В чем была проблема советской коллективности? Делался акцент на политической активности. Но это не самое главное. Не все хотят заниматься политической деятельностью.

АА. Мы говорим про подходы. Это не значит, что надо всех — как один...

СУ. Это не получится.

АА. Это не нужно.

СУ. И не получится, самое главное.

АА. Жизнеспособность государства в том, что все разные, но «включенность» и «одинаковость» — это «теплое и мягкое», не чувствуете?

СУ. И формы. Самое главное — форма. Коллективность нужна и в деятельности общественной, и в хозяйственной. Мы разбирали примеры артелей. Ведь до тех пор, пока благосостоянием советского общества занимались артели, все было проще и с благосостоянием, и никто не делал из этого жупела. А когда подменены хозяйственные цели и идеологические, вот тут происходит самая главная проблема.

На чем вытянула наша сфера услуг, уже постсоветская? Тоже практически на протоартелях.

АЧ. Теневиках, цеховиках.

СУ. Теневики, цеховики. Им просто не мешали, они в гаражах занимались деятельностью, и по большому счету они это все вытянули.

АЧ. Этот урок мы должны, конечно, усвоить.

СУ. Важна эта коллективность артельная, артельного типа, когда люди чувствуют себя вместе. Ведь в чем отличие артели от предприятия? В предприятии есть бенефициары, которые стремятся больше отдыхать — это классическая буржуазия, высмеянная еще в XIX, XX веке. А когда человек сам включен, все и получается. В этом смысле те проекты, которые я наблюдаю в «Евразии», [действуют подобным образом]. Мой любимый – это Педсовет.

АА. У меня еще одна мысль появилась.

Если кто-то думает, что сейчас вдруг можно расслабиться, то вообще-то Россия остается под прицелом

тех самых сил, которые мы здесь сегодня вспоминали.

И Россия — большая страна, 89 регионов, очень много национальных республик и прочее. Поэтому

если кто-то уснул, то значит — кратно — кто-то проснулся.

ИК. Это правда.

В этом плане, помнишь, Алексей, ты очень хорошую мысль сказал, что хорошо, что сейчас англосаксы и весь евроатлантический мир не просто свою личину показали, а надели доспехи крестоносца.

АЧ. Я и сейчас это повторю. На бис, что называется.

Мне нравится нынешний Запад. Он намного более честен, открыт с нами, чем пять лет назад.

Когда они ходили с фиолетовыми волосами и радужными флагами и изображали из себя розовых пони, многие велись. А сейчас наконец-то куда-то делись фиолетовые волосы, куда-то делись бородатые женщины, сами собой. Сейчас мы видим...

АА. Мы видим реально крестоносцев, которые заморозили российские деньги, ввели санкции, перезахватили рынки.

АЧ. Сейчас они прямым текстом спрашивают, что мы еще должны сделать, чтобы больше убивать русских, на пресс-конференции в Белграде. Спрашивает немец, на немецком языке, из Frankfurter Allgemeine Zeitung, на пресс-конференции двух президентов.

АА. Где-то там пара руководителей Латвии, Литвы и Эстонии сносят очередной памятник Пушкину.

АЧ. Конечно, как без этого. Я говорю, мне это нравится. Ребят, спасибо.

ИК. Что это не даст нам расслабиться.

АА. Много лет назад, 20 лет назад мы с Алексеем говорили, как будет развиваться процесс. Я помню, что когда я из Приднестровья приехала в аспирантуру МГУ учиться и сразу же пошла в Молодую гвардию «Единой России» просто активистом, и так получилось, что возглавила эту организацию, а потом уже стала и депутатом Госдумы. Когда я это говорила, на меня смотрели как на очень странного человека. А сейчас произошло все, вернее, еще не все, о чем я предупреждала. Тогда я не просто предупреждала, а говорила: надо вот так, надо так...

АЧ. Воспоминания из почти тех времен, это, по-моему, 2009 год.

АА. Если после Южной Осетии.

АЧ. Уже после, да. Я тогда в соответствующих структурах трудился.

АА. Помнится мне, да.

АЧ. И я сказал про 22 июня. У нас официальная идеология дня 22 июня — это День памяти и скорби. Наши погибшие, наши [павшие]. А я в какой-то момент сказал: а кто сказал, что это правильно? Да, погибших любим, ценим, чтим, память, все такое прочее. Но тема «никогда больше», «хотят ли русские войны» нас демобилизует. Для меня

22 июня — это в первую очередь напоминание о том, что война возможна, что на нашу землю может прийти враг, и мы должны быть готовы давать отпор.

АА. Абсолютно согласна.

АЧ. Единственный раз тогда мне разрешили провести в качестве альтернативы День мобилизации. Это так напугало начальство тогдашнее, я столько раз за это получил по голове... А я говорил, что 22 июня надо переформатировать.

СУ. И переименовать.

АЧ. Эта память, скорбь — дело хорошее, благое, но оно не поддерживает нас в состоянии готовности к следующему раунду.

Главный тезис, который больше всего тогда напугал всех и за что я больше всего получил тогда, когда вышел под камеры и сказал:

вы должны четко понимать, что та война для нас не была последней.

АА. Еще один маленький, но важный нюанс. То, что наши праздники иногда приобретают чуть-чуть другие оттенки, на несколько градусов — в этом тоже есть работа иностранных спецслужб, грантов и всего прочего.

Мне припоминается введение нового символа, не 9, а 8 мая; не георгиевская ленточка, а маки; не праздник победы, а плакать надо выходить, грустить. Никаких военных парадов не должно быть.

АЧ. А военные парады — это милитаризм.

АА. Зачем показывать мощь российской армии? А зачем эта армия? Этот парад пугает весь мир, давайте не будем пугать весь мир.

ИК. Дети даже придумали «победобесие».

АА. И каждый раз они вносят новый интересный поворот градуса. И чтобы все сказали: действительно, надо, наверное, не проводить.

Что интересно, Алексей тогда предложил еще раз: а ну-ка до заводских настроек давайте сбросимся и еще раз пересмотрим, а что на самом деле происходило в этот день? Что мы должны помнить в этот день?

АЧ. Что именно мы должны помнить?

АА. И о чем думать в этот день? Что себе напоминать в этот день по календарю? Это очень классно тогда было. Помню, не только это было, еще было несколько классных вещей, я их

помню тоже.

СУ. Высоцкий, когда говорил, почему так много песен о войне — хотя он 1938 года — потому что моё поколение довоёвывает. Поколение наших отцов утратило эту практическую память. Начиная с того, что государство того же Высоцкого с гениальными песнями не особо издавало, только после смерти Игорь Кохановский, его «друг, который уехал в Магадан», добился, что в 1986 году вышел сборник из двух пластинок, всего лишь из двух, а на эстраде был Антонов бесконечный.

АЧ. Высоцкий — это было слишком.

СУ. Слишком, слишком.

АЧ. А на эстраде «Снится нам не рокот космодрома».

СУ. На позитивчике.

АЧ. И вечная Алла Борисовна, на пару с Софией Ротару.

СУ. Конечно.

АА. Хорошо, что я этого не слышала. Я жила в Приднестровье, а у нас как-то демократично все было.

СУ. И про 22 июня. Много рассуждали об этом, почему нас загоняют в эту скорбь. Я нашел формулировку, как должен называться этот день, учитывая, что наши предки нам подсказали.

Это должен быть день ярости благородной, которая вскипает, как волна.

Вот эти чувства должны возникать.

АА. Примерно эти чувства я испытываю каждый божий день. Особенно когда, например, Трамп хочет — не на поле боя, а просто росписью пера, указом своим — стать победителем во Второй мировой войне. Это что? Хочется спросить, а так можно было? Примерно как [выкрасть президента Венесуэлы](#).

СУ. Это чувство, ярость благородная, делает человека неугомонным и равнодушным.

АА. Включённым.

СУ. Включённый — это уже следствие, я говорю про чувства.

АЧ. «Вкл — выкл», да?

АА. Да.

СУ. Я согласен, но я имею в виду базовое чувство, которое отмечает мелкие эмоции.

АА. Собранность.

СУ. Ты собран, потому что ярость благородная вскипает, как волна. В тебе что-то поднимается, это чувство, когда мы смотрим фильмы про войну, или слушаем [песни].

АА. Это зов крови.

СУ. Что-то там вскипает.

АА. Не что-то, там зов крови вскипает.

СУ. А надо объяснять молодым. Я сталкивался — дети, подрастающие, смотрят фильм про войну, мне интересно потом: а что ты почувствовал? Причем и мальчиков, и девочек.

АА.

Для детей и взрослых должно быть единое информационное ментальное пространство.

Оно должно формироваться. А не так, что родители вдруг появились и показали фильм о войне, а ребенок не готов к этому фильму. Так тоже нельзя — детей мучить и что-то от них ждать.

В этом плане ваш любимый проект «Евразийский педагогический совет», в том числе «Евразия Кинофест» предполагают [такую работу]. Мы провели эти два проекта, посвященные 90-летию Говорухина, по его творчеству. И планируем еще по творчеству других людей. Просмотр фильмов, кстати, «[Вертикаль](#)» с Высоцким. Так мы формируем единое информационно-ментальное культурно-образовательное пространство, которое уходит. Его надо ловить и расширять.

АЧ. Кстати, про уходящее. Действительно, мы долгие годы, даже, наверное, десятилетия, жили в представлении о том, что это единое культурное пространство, постсоветское, дано нам по умолчанию, как воздух. Это же естественно, как дышать. Мы смотрели одни и те же фильмы, читали одни и те же книги, говорили на одном и том же языке. А сейчас мы видим, что подросли сегодняшние 20-летние, которые уже ничего этого не чувствуют.

АА. Причем неважно, в какой стране, в своей, в России.

АЧ. Даже в нашей.

СУ. Коля из Уренгоя, это был академический случай. Сибиряк.

АЧ. Который перед немцами извинялся.

Получается, что даже и у себя это, в общем-то, не предустановка.

АА. Много работы. У нас очень много работы.

СУ. Важно еще осваивать новые технологии. У нас Центр экспертного взаимодействия и модерирования. Я погружаюсь в разные проекты, чтобы где-то подсказать, улучшить, помочь. Например, идет один из проектов [«9/45»](#), посвященный исторической памяти. Я рекомендую заглянуть на YouTube-канал этого проекта и посмотреть, как та же ИИшка используется. Новые медиатехнологии, короткие ролики. С Павлом Кухаркиным, с одним из лиц этого проекта, мы много обсуждаем, статистику рассказываем.

Например, пошел достаточно взрывной рост активности зрителей из Средней Азии, Узбекистан, Киргизия.

АА. Да, это актуально.

СУ. Мы постоянно в той же исторической памяти концентрируемся на подвиге фронта, а был не меньший подвиг тыла. У нас это почти выпало.

АА. Эвакуация из Ленинграда, сколько сирот было расселено в Кыргызской республике. Тысячи детей получили своих родителей не по крови, а по призванию.

АЧ. У меня есть более экстремальная история про ленинградских детей. Столкнулся с ней неожиданно на Кавказе. Еврейские дети из Ленинграда, вывезенные зимой 1941-1942 в Карачаево-Черкесию нынешнюю, тогда, соответственно, АССР. А дальше это место захватывают гитлеровцы, во время своего наступления на Кавказ. Черкесские семьи записывают этих детей как своих, дают им черкесские имена, но не отдают их немцам. Массовое явление.

АА. Вот он, режим «вкл», пожалуйста.

ИК. Это правда.

СУ. Ещё поделюсь примером. В Казахстане есть такая культурная аномалия карагандинская. Большинство режиссёров, деятелей культуры — все из Караганды. Хотя это формально город металлургов и шахтёров. А как это получилось? Потому что массовая была эвакуация учителей и [других представителей интеллигенции], и в Караганде профессор какой-нибудь ленинградский математику преподавал, а многие потом остались. То же самое — деятели культуры и искусства. И в результате — я общался с Аканом Сатаевым, это легендарный казахский журналист, который про Назарбаева [фильм-]легенду снял, много у него исторических фильмов — тоже из Караганды. И посмотришь биографии, все из Караганды. Они-то об этом знают, а уже с младшим поколением из Казахстана общаешься, они не знают об этом.

АА. Эти технологии, о которых вы сказали, которые мы используем в рамках нашего движения «9/45», конечно, очень многое дают интересной информации тем, кто о ней никогда не знал, и напоминают тем, кто это знал, слышал, и причем это очень наглядно.

СУ. Это дает аргументы. В чем наша особенность? То, что мы в России считаем само собой разумеющимся, для ближайшей нашей заграницы — уже не само собой разумеющееся.

В Белоруссии я много жил, работал, там замки легендарные магнатские. Популярнейшие места туризма. Отремонтированы прекрасно. Но если ты пройдешься по исторической выставке внутри этих замков, это гимн панам. Все вокруг этого крутится. И осадочек остается, если честно, странненький. Понятно, что в Беларуси есть прекрасные музеи — Суворова в Брестской области...

АА. Это все надо обсуждать, это все надо держать в повестке. Это в любой стране. «Евразия» занялась единым образовательным гуманитарным пространством, особенно еще и на официальном уровне с Кыргызстаном, и другие страны — это неофициальный уровень. И мы увидели в учебниках истории, что Россия — агрессор, оккупант. Это все нужно совместными усилиями. Брать учебник, приезжать и говорить: оккупант, агрессор? И находить эту точку взаимодействия и менять, переиздавать.

АЧ. Справедливости ради, у нас даже в наших собственных учебниках Россия часто была...

АА. Мы с вами их читали и продолжаем иногда вылавливать в разных уважаемых

издательствах, что я тоже делаю время от времени.

ИК. Алена, с какими странами проще работать, с какими легче? Вот сейчас, на данный момент. 32 страны у вас.

АА. Я бы не говорила – проще. Нигде не проще, везде есть свои особенности, и параллельно там работают всякие соросы, европейцы, британцы, американцы разными руками работают. Например, Кыргызстан — это там, где работа идет подвижнее всего, потому что сам президент Кыргызстана, Садыр Нургожоевич Жапаров...

ИК. Идет навстречу?

АА. Он не просто идет навстречу, ему интересна эта работа. Он в приятельских, хороших, дружеских отношениях с Владимиром Владимировичем Путиным, они всегда друг друга поддерживают, они постоянно друг к другу летают, постоянно начинают новые проекты и деловую активность в двух странах увеличивают, и товарообороты. Сейчас Кыргызстан является драйвером развития евразийской экономики, именно ЕАЭС. Поэтому сейчас, в том числе и от того, как они поддерживают такие проекты, зависит и инвест-климат в Кыргызстане.

Они входят в зону комфортного развития отношений, в том числе с организацией АНО «Евразия». Это дает экономический рост Кыргызстану, и это новый рывок в развитии Кыргызской республики. Там есть место русскому языку, [как языку] межнационального общения. Но при этом не снижается активность различных организаций типа Сороса, другой стороны. Но там еще и есть турецкое присутствие, китайское присутствие и так далее. Каждый пытается растить свою активность со своими проектами, потому что каждый из тех, кого я перечисляла, там видит свои интересы.

Самое сложное — это Молдова, по понятным причинам. наших активистов там ловили, всех, кто сотрудничал с «Евразией», наказывали, и более того, объявили АНО «Евразия» экстремистской организацией по запросу спецслужб через суд.

Вообще в принципе работать везде сложно, абсолютно везде. Везде просто разный режим работы. Если в Молдове нельзя работать, мы работаем с гражданами Молдовы. Если в Кыргызстане можно работать, мы работаем. Но мы понимаем, что это очень ответственно. Лично мною подписано соглашение на уровне правительства, это председатель правительства подписывает соглашение.

У нас идет уже очень высокого уровня взаимодействие, и для нас это очень ответственно, чтобы быть собранными и учитывать культурные особенности, чтобы не было ощущения какой-то экспансии, не дай бог, потому что разные спецслужбы, которые высаживаются в иностранные государства, заинтересованы дискредитировать нашу работу. Поэтому стараемся не допускать ошибок и нести как хрустальную вазу наши отношения.

Это происходит в любой стране, куда бы мы ни зашли, и какие бы проекты мы им ни предложили. Я говорила, что какие-то проекты, более легкие в восприятии, это кино — 53 страны [участвует]. А там, где уже Евразийский педсовет, создание единого образовательного, гуманитарного, ментального пространства, там уже 15 стран. А журналисты, блогеры и так далее — уже около 10 стран.

ИК. Я смотрю, при этом там Казахстан, Армения, Таджикистан, Узбекистан.

АА. Активно достаточно. И развитие нашего присутствия определяет... У нас есть члены

совета, представители каждой страны. Где-то от члена совета зависит, где-то от людей зависит, а где-то от власти зависит. Везде складываются разные пазлы.

СУ. Пару слов еще тогда. «Евразия» же расширяется на другие континенты.

АА. Да. Мы теперь работаем в Африке, что самое интересное. Теперь мы присутствуем и в Того, и у нас совместное открытие Русского дома, вместе с Россотрудничеством. У нас с Россотрудничеством хорошие отношения выстроены. И вообще — 53 страны, это в том числе и ЮАР, и, кстати, между прочим, Франция, Германия, Австрия, Сербия.

Понятно, что на самом деле, может быть, и официальный Евросоюз вводит санкции, я сама лично под санкциями пятидесяти стран мира, с 15-летней судимостью на Украине, осужденный экстремист в Молдове. Но при этом люди приезжают, и все в порядке.

СУ. Для Африки вообще — бренд Пушкина открывается и играет новыми красками.

АА. Для Африки у нас открывается все. Они очень по нам соскучились, руководители учились в Советском Союзе. В разговорах с министрами, с руководителями африканских государств — мы предлагаем строительство какой-то инфраструктуры, АНО «Евразии», они говорят: нет-нет, мы это построим, у нас деньги есть, мы там сделаем сами. Нам очень нужны ваши учителя, нам очень нужно образование, нам нужны врачи, нам нужна подготовка журналистов.

ИК. Это очень хорошо.

АА. Мы знаем, мы имеем свой образ будущего, мы рассчитываем на вашу помощь, потому что такая помощь когда-то была, десятки лет назад.

АЧ. А что — вот парень, Чуквука, мы с ним делали [«Чистоту понимания»](#).

ИК. Пересмотрите, друзья, о Нигерии шла речь.

АА. Надо мне посмотреть.

АЧ. На секундочку, кандидат в президенты сейчас, этой страны.

АА. Они очень образованные, они очень аккуратные.

ИК. По-русски очень хорошо говорит.

АА. Вообще очень приятно с ними иметь дело, если честно. Они откровенные.

СУ. А я замечал эффект, когда с таким интеллигентом из Африки общаешься... Который у нас учился — понятно, он погружен. А начинаешь рассказывать ему биографию Пушкина...

АА. Удивление, наверное.

СУ. Удивление, интерес. Потому что в других западных странах была рабская участь у выходцев из Африки, так или иначе.

АА. Запад себе не изменяет.

АЧ. Биография Ганнибала. Пушкин — потомок старинного дворянского рода, еще соратники Александра Невского.

СУ. «Потомок негров безобразных», он сам о себе так говорил.

ИК. Фильм «Максимка» им покажем еще.

СУ. И когда начинаешь погружать, рассказывать, им, во-первых, это очень заходит. А потом, когда объясняешь, что он, как в знаменитом мемчике, «читал рэп и погиб в перестрелке» — это вообще: какая судьба!

ИК. Ты сейчас стереотипов навалил, одним махом, Семен!

СУ. А потом, когда особенно выходцам [из стран], где французы колонизацию осуществляли, ты объясняешь, кто убил создателя нашего русского языка, это до такой степени [объединяет].

ИК. Хорошая тема!

СУ. Я лично четыре-пять таких бесед провел.

АА. Интересно, тоже возьму на вооружение.

ИК. Мало того, что французы, еще и запрещенное ЛГБТ.

СУ. Все сразу.

АА. Спасибо, что вы пригласили меня. Мне очень интересно с вами было сегодня побеседовать.

ИК. Алена, это еще не все. У нас есть традиция в конце каждого разговора подводить своеобразные итоги. По кругу мы это делаем. Семен, давай с тебя.

СУ. Я очень рад этому разговору, очень хотел, чтобы он состоялся. Кроме того, что много хороших дел делается, я считаю, нужно больше приднестровцев в российской общественно-политической жизни.

АА. Да уж, пожалуйста.

СУ. Прямо побольше надо, потому что здоровый, пассионарный, неутомимый заряд, который есть у приднестровцев, это то, чего очень не хватает более северным русским. Есть русские более южные, есть более северные. А приднестровцы еще и заряженные.

А для меня очень важен опыт, который Алена двигает в рамках проектов «Евразии». Короткая будет байка, когда я все понял про западное НКО. Был у меня период, когда я еще был больше контрабандистом, чем политтехнологом. Это были махровые 90-е. А я жил тогда с родителями во Львове, недалеко от Краковского рынка. Там начался страшный бандитизм. В каждой бреме ширку варили, менты это все крышевали. И мы с пацанами решили, что нужно наводить какой-то порядок.

Я был единственный студент университета, к нам пришли как раз вербовщики от фонда Сороса, на Украине он назывался «Смолоскип» — «Факел», дочка «Возрождения», дочка фонда. Я тогда еще плохо соображал, первый курс. Пришли, говорят: мы гранты [даем], поддерживаем, пожалуйста, приходите. Я пацанам во дворе рассказал, они: нормальная тема, мы же хотим сами порядок наводить, но менты уже скурвились — реально, в каждой бреме ширка — ужас, так жить нельзя, 1993-1995 год. Пойдем, грант попросим, будем как — мы тогда все смотрели американские фильмы — будем как Чак Норрис, который сам порядок наводил. Пойдем, пусть они нам дадут денег. Они же американская фирма, грантовая. Они же понять должны это. Пойдем, попросим. Нам только на форму нужно, а дальше мы сами все порядок наведем на районе.

Пошли мы в этот грантовый фонд. И там сидит чувачок, он потом карьеру огромную сделал, вице-губернатором стал после оранжевой революции. Он нас выслушал, у него — вот такие глаза. И он: нет, если бы вы дебаты проводили, про демократию что-то рассказывали, это мы вам помочь можем. А на улицах, на своем районе порядок наводить? Не, такое мы не поддерживаем.

И я помню, когда мы шли, я говорю... А друзья мои — они попроще, ПТУ, кто-то просто школа, больше спортки. А я был заводилой, и я не мог им объяснить, что произошло. Мы же с хорошей идеей пришли в американский фонд, с общественно полезной. Почему нас не услышали? И тогда у меня в голове первый раз перецелкнуло, что

их деятельность, западная, на другое направлена.

Понятно, что это пример совсем из юности. 17 лет, 16. Тем не менее. Поэтому я считаю, что та деятельность, которую «Евразия» направляет на укрепление институтов — это то, что должно быть в будущем в российской деятельности на ближнем, как минимум, периметре. А дальше — мы же знаем, что

и границы России нигде не заканчиваются, и союзники наши тоже нигде не заканчиваются. Они есть на всем земном шаре.

ИК. Спасибо. Алена.

АА. Я согласна с каждым спикером сегодня.

АЧ. Хотя мы поспорили.

АА. Хотя мы поспорили, но с вами интересно спорить. Особенно, когда вы своими аргументами подтверждаете мою точку зрения, это особенно приятно. Я считаю, что самое главное — это делать выводы, как сказал Алексей. И не просто их делать, а их внедрять, каждый в своем поле. Чтобы не было ощущения, что историю творит сама история.

У истории есть свои герои на каждом направлении. Время определяет этих героев.
Но герой сам определяет, он герой или нет.

Мне кажется, так. Это то, про что мы сегодня говорили. Можно долго упоминать, что не так, что надо подкрутить. И я рада, что наш сегодняшний эфир состоялся, что нас слушают ЛПР, лица, принимающие решения.

Самое главное решение, которое нужно принимать, это — жить и помогать жить другим.

А как это уже в национальной безопасности Российской Федерации сказывается — но все во благо, это точно. В том числе и работа АНО «Евразия», укрепление безопасности на континенте Евразии. Все, что сегодня сказали — это все вывод, я считаю.

ИК. Алексей.

АЧ. Тогда в Тирасполе, 20 с лишним лет назад, мы были очень молодые, прямо очень молодые. И, конечно — вся жизнь впереди. Я уже был, конечно, не очень молодой. Алена была совсем молодая. Но всё равно, 20 лет. Я тогда, честно говоря, задавался вопросом. Сейчас пока, по юности, энергия-то есть — на подвиги разного рода. А останется ли она, что называется, поударявшись о жизнь? Ведь в этом же вопрос.

Население у нас возрастное достаточно в стране. И задачи, которые перед нами стоят, имеют, по большому счету, этот ограничитель. У нас страна не очень молодая в целом. Люди, даже когда им по 18, уже ведут себя как уставшие. Еще не успел родиться, уже устал. И — «отстаньте от меня все». Поэтому этот запрос на движение, на оппозицию, на ярость, на пассионарность — я очень рад, что в тебе не иссяк за всё это время.

АА. Спасибо большое.

АЧ. Что ты такая же.

АА. И главное, что это заразительно, я хочу сказать.

АЧ. И надеюсь, что и в нас тоже. Надеюсь, что мы и сейчас, как это, всякий «порох в пороховницах».

АА. Я тебя знаю 20 лет, я могу тебе сказать то же самое. Слава богу, что не иссякла эта энергия. И более того, когда ударяешься о жизнь, удар — это энергия. Ты ударяешься о жизнь,

и тебе хочется идти дальше.

АЧ. В конечном счете

наша способность жить, бороться, искать, найти, не сдаваться, а то и «перепрыгнуть», является ключевой и для этой цели, для цели быть «вкл».

АА. Да, объективно.

АЧ. История России продолжается, история наших людей, нашего народа продолжается, нашей борьбы продолжается. И сейчас, в XXI веке, и это здорово.

ИК. Спасибо.

Будьте «вкл», друзья, во всех смыслах.

Включайте, смотрите «Чистоту понимания». Мы каждый четверг новый выпуск специально для вас готовим.

Я благодарю наших ведущих Алексея Чудаева, политолога, журналиста. Семена Урлова, политолога, журналиста, писателя. Отдельная благодарность вам, Алена Аршинова, российский политический деятель, председатель Совета АНО «Евразия» сегодня была у нас в гостях.

Не забывайте поставить лайк этому выпуску, дорогие наши зрители. Мы [ВК](#), в [Ютубе](#), в [Рутубе](#) есть. Так что ждем вас.

**В подкасте упоминаются: деятельность корпорации Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в РФ, признана экстремистской; слова, относящиеся к движению ЛГБТ, запрещенному в РФ, деятельность организации признана экстремистской; Фонд «Открытое общество» (Фонд Сороса) признан нежелательной организацией в РФ. Пропаганда отказа от деторождения (чайлдфри) запрещена в РФ*

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семёна Урлова](#)

[КВойны и весь архив Урлова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)